

В.Агарин

Последняя Женщина Наполеона

12+

Владимир Агарин

Последняя женщина Наполеона

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Агарин В.

Последняя женщина Наполеона / В. Агарин — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

Трагикомедия, в которой герой попадает в сюрреалистичный мир,
персонажами которого являются реальные исторические герои.

Содержание

Часть первая (ненормальная)	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Часть первая (ненормальная)

*Мы называем это жизнью,
а это просто список дел
(Интернет)*

Если бы это было кино, то оно непременно начиналось бы так:

Безмятежные просторы умеренного климата с высоты птичьего полета медленно, а потом все быстрее и быстрее сократились бы до размера одной точки, и, сделав оборот вокруг двух стоящих на краю высокой стены средневекового замка людей, зритель бы ворвался в середину диалога.

– Итак, вы утверждаете, – молодой человек сделал паузу, а потом продолжил: – вы – Наполеон.

– Совершенно верно, именно Наполеон Буонапарте, – в театральном жесте высокий длинноволосый мужчина лет шестидесяти, худощавого телосложения воздел к небу руку.

Его собеседник криво ухмыльнулся и достал из кармана телефон, взглянул на экран и обратно убрал его.

– Я могу вызвать такси?

– Стало быть, вы мне не верите.

– Отчего же, вы же мне показали паспорт.

– Ну, объясните мне, почему если ты серая мышь, то единственное, чем ты можешь подтвердить свою личность – паспорт. Но если ты Наполеон, этого становится недостаточно. – С этими словами он достал книжечку и протянул ее оппоненту.

Тот отмахнулся от нее.

– Вот скажите, если вы Наполеон, то почему же вы, так сказать, – он помялся, подбирая слово, – так сказать, такой... – он неопределенно помахал над своей головой, словно показывая рост, – высокий, что ли.

– Простите, какой же у меня должен был быть рост?

– Ну, по разным данным от 157 см до 170, а это, знаете ли, никак не 185, или сколько там у вас?

– Что значит от 157 до 170, не многовато ли для одного человека?

– Ну, ваш точный рост – не мое дело, это пусть историки занимаются, просто все с детства знают, что Наполеон – маленький! Невысокий. Понимаете? С детства.

– С детства, – Наполеон ухмыльнулся, – с детства мы все рисуем небо синим карандашом и издеваемся над детьми, которые рисуют небо другим цветом. А посмотрите на небо. Оно разве синее сейчас? Совершенно серое, а на закате малиновое, а вчера, не поверите, оно было лазурным. Так что не доверяйте всему, что вы знаете с детства, молодой человек.

Журналист слегка оцепенел, буквально на мгновение, затем, очнувшись, фыркнул и начал отряхивать куртку, словно хотел избавиться от чего-то липкого.

– Ну, вот и чудно, вот и здорово, я узнал что хотел, и теперь мне пора, я, пожалуй, закажу такси...

– Что, даже не останетесь на обед? – теплый женский голос на секунду остановил все звуки.

Вслед за голосом появилась и хозяйка. Она подошла к молодому человеку и положила руку ему на плечо, на миг сократив расстояние до неприлично близкого, по-детски заглянув ему в лицо снизу вверх, добавила:

– Оставайтесь, у нас сегодня к обеду купаты.

Как-то вяло и безропотно журналист кивнул головой и пошел вслед за хозяйкой. Она обернулась к Наполеону и сказала через плечо.

– Бонечка, скажи, чтобы уже готовили к столу...

– Да, конечно, дорогая.

Оставшись один, Наполеон вздохнул.

– Бедный мальчик.

* * *

В комнате было тихо, Елена, подперев кулаком подбородок, крутила пальчиком чайную ложечку. Максим несколько раз подряд взглянул на часы, а Наполеон стоял у окна и молча глядел вдаль.

Ужин до сих пор не собрали.

– Значит, вы Наполеон. Тот самый, что взял Москву и завоевал Египет. И умер в начале девятнадцатого века?

Наполеон снисходительно улыбнулся.

– Нет.

– Ну, вот и славненько, а зачем же был этот фарс, а?

– Я не умер в начале девятнадцатого века. Но я брал Москву, – на этих словах он поморщился, – и завоевал Египет, я же показывал вам документы, что вам еще нужно?

– А, ну раз документы, тогда все прекрасно. А может кто-то еще подтвердить, так сказать, вашу личность?

– А Кутузов вам подойдет?

– Ах, Кутузов. Тот самый?

– Тот самый.

– Одноглазый?

Вступила Елена:

– Ну, позвольте, отчего же у Михаила Илларионовича и вдруг один глаз, – эта мысль ее так позабавила, что она даже рассмеялась

Максим повернул вокруг своей оси пустую чашку и хмыкнул.

– Это становится даже интересным, А кто тут у вас еще в окрестностях обитает? Македонского не видели? Или Байрона, может быть?

– Македонского? – Елена вопросительно посмотрела на мужа, – нет, Македонского не знаю, а Джордж уехал, да-да, он уехал подлечить легкие в Грецию, кажется, в Мессолинги.

Она встала и, подойдя к камину, открыла большую лакированную шкатулку.

– Вот почитайте, какие он пишет письма.

Максим закатил глаза, а Наполеон с раздражением сказал:

– Вздорный мальчишка. – Наполеон украдкой взглянул на жену. – Молодой, оттого и дерзкий. Дорогая, попроси скорее подавать.

– Вот смотрите, – она перевернула желтый лист и провела пальцем по нему, в поисках строки:

Бесплодные места, где был я сердцем молод,

Анслейские холмы!

Бушующая, вас одел косматой тенью холод

Бунтующей зимы.

Нет прежних светлых мест, где сердце так любило

Часами отдыхать, ...

– Ну, полно, – Наполеон оборвал, – проси подавать.

В комнату вошел слуга.

– Кутузов изволили к обеду пожаловать...

– И уже пожаловали, кстати, светлейший князь, – с этими словами Кутузов, шедший следом, ткнул слугу пальцем в бок и засмеялся.

– О, господа, Михаил Илларионович, что у вас с глазом? – Елена встала из-за стола и подошла к гостю.

Кутузов погладил повязку и покачал головой.

– А это пчелы, вчера вот вдруг бац и на тебе Ватерлоо. Больно было, до жути. Глаз заплыл, вот, врачи посоветовали примочку.

– А вот молодой человек буквально только что справлялся о вашем глазе, – Елена повернулась к Максиму и с интересом спросила, – вы уже видели, наверное, Михаила Илларионовича, когда к нам ехали?

Журналист ошарашенно покачал головой, давая понять, что не понимает, в чем дело.

– А, у вас гости, – Кутузов подошел к Максиму и, словно попугай, согнув голову набок, стал его рассматривать. – Давненько к нам никто не заезжал. И какие же кривые вас сюда занесли в столь юном возрасте?

Все это он сказал тоном взрослого, обращающегося к пятилетнему ребенку.

– А это журналист, из столичной прессы, – Наполеон отодвинул стул и тоже встал. – Мной интересуется.

– А что вами интересоваться? Про вас все известно, про все ваши, так сказать, победы, – Кутузов едко засмеялся и подпихнул слугу плечом, – понимаешь, понимаешь.

Тот покачал головой и вышел.

– Ну, ваш Аустерлиц тоже ни для кого не секрет.

Кутузов резко развернулся на каблуках и, широко расправив плечи, стал сверлить Наполеона одним, здоровым глазом.

– Ключ от Москвы карман не оттягивает? А то, для равновесия, могу замок амбарный в другой карман дать.

Наполеон встал вполоборота, словно приготовился защищаться на дуэли. Но зарождающую перепалку прервала жена Наполеона:

– Мужчины, вы же не собираетесь опять начинать? Давайте поговорим о чем-то другом. – Потом она обратилась к Максиму: – Они как соберутся, каждый раз начинают спорить.

Максим, который ошалело наблюдал за происходящим, даже слегка покачал головой.

– Это становится еще интереснее.

Кутузов и Наполеон разошлись и сели по разные стороны длинного дивана. Между ними села и Елена.

– У вас сегодня, говорят, купаты, – Кутузов хмуро тер щеку под больным глазом.

– Да, – Елена, грациозно отклонившись на спинку, заглянула в дверной проем, нетерпеливо ожидая, когда подадут, Максим с явным восхищением следил за изяществом хозяйки. Наполеон не отрывал взгляда от журналиста, тот заметил и резко отвел взгляд. – Да, вот только что-то не несут, наверное, надо сходить проверить, – продолжила хозяйка.

– Купаты – это хорошо, – предвкушал Кутузов. – У меня завтра на обед будет уха и ягненок на второе, милости прошу. Только, это, на обед по-человечески приходите, а то все у вас не как у людей, обедать в шесть часов. – Он покачал головой. – Это от того, наверное, что вы спите долго. Где ж это видано, обедать в шесть. Это хорошо, что вы еще лягушек не жарите. – Он снова развеселился и, обращаясь к Максиму, продолжил: – У меня мужики сети ставили, я им говорю, вы лягушек-то не выбрасывайте, французам, говорю, несите.

– Михаил Илларионович, как вам не стыдно. – Она снова обратилась к Максиму: – Представляете, вчера выхожу во двор, а там привезли несколько бочек лягушек, покупайте, говорят. Боня, конечно же, им отказал, так они эти бочки прямо у крыльца и вывернули. Сейчас в округе не ступить, все на лягушку попадете.

– Вы, князь, прекратите все эти шутки, а то не ровен час и сами попадетесь, как тогда с фонтаном, – Наполеон с улыбкой посмотрел на Кутузова.

– А с фонтаном было хорошо. Представляете, ко мне гости приехали, на открытие фонтана, так сказать, а их высочество, значит, подговорил мастера, и тот, стервец, канализацию в трубу пустил, там, знаете, такой салют был, – Кутузов засмеялся от души, – одной фрейлине такую диадему выдал. – Наполеон тоже улыбнулся, а Кутузов, отсмеявшись, добавил: – практически корону. – И засмеялся вновь.

Елена тоже еле сдерживала улыбку, прикрывая рот рукой.

– То есть, вы – генерал Кутузов? – Максим сложил руки на груди и откинулся на стуле.

– Генерал-фельдмаршал Голенищев-Кутузов-Смоленский, хотя можно просто Михаил Илларионович. Но, если вам будет угодно, то можно и полностью, – буднично сказал Кутузов и, оглядев стол, взял кусок сахара. – Мало того, что они обедают бог весть когда, они еще и несут долго. А может, вы мне это, Ваше высочество, так мстите? Голодом-то морите?

– Я жалею, что не загнал вас, князь, в угол, пока вы драпали по всей стране, надо было загнать вас в самый дальний угол, куда-нибудь в Сибирь, то-то я на вас посмотрел бы.

– Это я на вас посмотрел бы, что бы вы в Сибири в своих бумажных халатах делали. Тут был еще один умник, – он покрутил пальцем у виска, – Гитлер. Тоже полез.

– Ну, Михал Ларионыч, – Наполеон примирительно наклонился и посмотрел на Кутузова, – согласитесь, что в обоих случаях вам помог генерал Мороз.

– Вот, ты посмотри, можно подумать, что холодно только немцам и французам было, а мы всей страной куда-то отъезжали, – он закинул в рот кусок сахара. – Я надеюсь, несерьезно вы это все. А гонять нас по стране дело неблагодарное. Если бы тот Гитлер дошел до Японского моря, то немцы, что в Москве, уже бы ассимилировались и в тыл бы ему ударили, – он захохотал, довольный своей шуткой, – ага, вторым немецким фронтом. У нас земля такая. Все русскими становятся.

Наполеон вздохнул и обратился к Максиму:

– Я не понимаю этих русских. Что у них в голове, там, по-моему, вечная тайга. Напополам, извиняюсь, с навозом.

– Боня, ну, фу, такое за столом говорить. – Елена скривила лицо. – Разве так можно? У нас же гость.

– А, вы вот говорите, что русских не понимаете, оскорбляете тут по-всякому, – Кутузов возмущенно засопел, – так вот, вы и французам-то тоже не очень поняли. То-то они вам пинка под зад из Парижу дали. Что-то не вижу у порога челобитчиков, или, может, я ошибаюсь? – Он встал, подошел к окну и, распахнув его, перегнулся: – или есть, что это там? Вот там, не подданные? Нет? Ах, нет, это собака лягушку жрет.

Он сел и продолжил ворчать:

– Дерьмо, понимаешь, у русских в голове...

– Михаил Илларионович, – Елена подошла к нему и положила руку на плечо. – Вы не нервничайте так, сердце поберегите, или хотите, я вам аперитива налью? Пока с обедом задерживаются.

– Да что мне ваш аперитив, дорогуша, – он не глядя положил свою руку на ее и вздохнул: – вот если бы не вы, ноги бы моей тут не было. Екатерина Ильинична даже обижается, что, мол, я тут из-за вас... А я уж человек старый, мне что, мне и слова доброго хватит.

– А вы и не ходите, раз так вам противно, сами тоже, обзывать мастер, то лягушатники, то шерочка с машерочкой. Дорогая, и правда, достань вермут, что я привез на прошлой неделе.

Елена достала из бара графинчик на подносе с рюмочками.

– Вот вы все ругаетесь-ругаетесь, а все без толку, Мы вот с Екатериной Ильиничной, – она посмотрела на Максима и показала рукой на Кутузова, – с женой Михаила Илларионовича, завсегда общий язык найдем. – Говоря это, она разлила вермут по небольшим рюмочкам. –

На прошлой неделе их борзая съела тряпку и у нас за сараем помирать легла. Я иду мимо, слышу, кто-то стонет, словно ребенок, тихо так, ух-ух-ух, ух-ух-ух. Я глядь, а она лежит там, а изо рта веревка торчит. Я так испугалась, велела княгиню звать. Девка, Мари, побежала за ней, а вы же их знаете, они что? Только посмеяться бы да похихикать, – тут она повернулась к Наполеону и строгим голосом сказала: – Кстати, эта служанка по ночам к конюху ходит, – потом она повернулась к Кутузову, – к вашему, кстати, вот если понесет, что мы делать будем? А? Тоже вопрос. – Потом она продолжила: – А, и вот, она побежала, значит, за княгиней, Екатерина Ильинична за врачом послала, кстати, конюха и послала, а когда ж он придет, врач-то. Он же тоже не фельдшер какой, все-таки светило!

– А они за Боткиным послали, – Кутузов хохотнул, – еще бы за Павловым, уж он-то вам бы помог, тот еще специалист по собакам.

– Михаил Илларионович, не перебивайте, так вот, пока доктор придет, собака уж к тому времени и подойдет, не ровен час. Ну, что делать, мы ее в дом занесли, кстати, положили на чистую скатерть, скатерть, конечно, испортили, я потом ее стирать велела, но мне кажется, все же испортили, кому захочется за скатертью сидеть, на которой собака лежала? Да к тому же еще и умирающая, – она задумалась, мужчины молчали, потом она вновь ожила и продолжила: – Екатерина Ильинична и говорит, давайте ей масла в пасть вольем и за веревку вытянем. А ну как веревка порвется? Что делать? А эта лежит, одним глазом крутит, скулит уже совсем чуть-чуть. Что делать, позвали повара, он все-таки больше в живностях понимает. – Она обратилась к Максиму: – Ну там потрошит, фарширует, в общем, знает, что там как у них внутри. Так он подошел, сунул руку ей в пасть да как дернет, собака как взвизгнет, как прыгнет и бежать, ваза вдребезги. Ее, вазу эту, Боня из Египта привез, большая такая была, некрасивая, старая уж больно, – она снова остановилась, – о чем я, ах, да, собака, значит, бежать, и мы с княгиней испугались, а Жак, Жак – это повар, стоит, что-то в руке держит, я уже грешным делом подумала, голову ей оторвал, а это тряпка у него в руке была. Так он с ней и ушел, весь пол закапал. А собака убежала куда-то.

Она села и стала смотреть в открытое до этого окно, а потом, оглянувшись на мужчин, словно вспомнила, с чего начинала:

– Все это я к чему, Вот мы с Екатериной Ильиничной не стали спорить, как вы, мужчины, мол, чей пес, куда нести, а вот вместе, слаженно так справились, скатерть, конечно, жалко, но ведь для благого дела.

– А что уж для благого, этот дурак наемни под лошадь залетел и получил прямехонько промеж глаз, – Кутузов показал на точку на лбу, – вот сюда, ему осетинец копытом как даст, аж глаз вышиб, так тот тут же дух испустил. И врача не понадобилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.